

УДК 343.98
ББК X 67.623

Тактико-криминалистическое обеспечение исследования в суде с участием присяжных заседателей вещественных доказательств со следами крови

А.Е. Хорошева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Tactical-Forensic Support of Research in the Court with the Participation of Jurors of Physical Evidence with Traces of Blood

A.E. Khorosheva

Altai State University (Barnaul, Russia)

Настоящая статья продолжает начатое в работе «Тактические основы использования сторонами обвинения и защиты криминалистических исследований крови в суде с участием присяжных заседателей» изучение особенностей представления присяжным заседателям доказательств в состязательном уголовном процессе, главное место среди которых занимают вещественные доказательства со следами биологического происхождения, преимущественно крови. Используя метод криминалистического анализа материалов уголовных дел, автор выделяет различные поведенческие модели, подчеркивая превалирующее значение тактико-криминалистического обеспечения судебного доказывания перед процессуальной формой. На примере материалов судебной практики обосновывается, что толкование выводов экспертных заключений сторонами обвинения и защиты представляет собой главное звено в фактологической картине, предлагаемой присяжным заседателям, и позволяет сформировать у них стандарт «вне разумных сомнений». Предлагаются методические рекомендации, направленные на совершенствование поддержания государственного обвинения по уголовным делам об убийствах, в части использования в доказывании результатов экспертиз по следам крови.

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей; вещественные доказательства; следы крови; экспертиза; ДНК-анализ; государственный обвинитель; защитник.

DOI 10.14258/izvasu(2018)3-34

Используемые сегодня понятия судебной тактики и стратегии нередко рассматриваются сквозь призму того, кто же собственно является носителем права на их реализацию. В этом смысле, не отличаясь

This article continues the study "The Tactical Basis for Using the Prosecution and Protection of Criminal Forensic Investigations of Blood in a Court with the Participation of Jurors", examining the features of presenting evidence to the jury in an adversarial criminal procedure, the main place among which is the material evidence with traces of biological origin, mainly blood. Using the method of forensic analysis of the materials of criminal cases, the author identifies various behavioral models, emphasizing the prevailing importance of tactical and criminalistic provision of judicial evidence before procedural form. On the example of materials of judicial practice, it is justified that the interpretation of the conclusions of expert opinions by the prosecution and defense parties is the main link in the factual picture offered to the jury and allows them to form a standard "beyond reasonable doubt". Methodological recommendations are proposed aimed at improving the maintenance of public prosecution in criminal cases of murders, with regard to the use of forensic examinations on blood traces in proving the results.

Key words: jury; material evidence; traces of blood; examination; DNA analysis; prosecutor; defender.

оригинальностью суждений, мы признаем, что в той или иной форме следование определенной стратегии и тактике может быть присуще всем без исключения участникам процесса, в т.ч. подсудимым и потерпев-

шим, но более всего, конечно, отмечается у профессиональных субъектов доказательственной деятельности. Т.е. таких участников, правовое поведение которых имеет решающее процессуальное значение. К ним, кстати, мы относим и председательствующего судью, полагая, что дискуссии относительно его роли в процессе с участием присяжных заседателей являются пустой тратой времени, уводя внимание от действительно важных проблем к вопросам второстепенным и бесполезным. Хотя бы даже потому, что кто, как не председательствующий, обладает дискреционными полномочиями, позволяющими ему «фильтровать» практически всю информацию по конкретному уголовному делу, делать ее доступной или нет для представления присяжным заседателям. Все это вписывается в рамки сложной процедуры рассмотрения уголовных дел в суде присяжных и отличается от иных форм судопроизводства по уголовным делам. Это одно из главных направлений доказательственной активности профессионального судьи в уголовном процессе с присяжными заседателями, которая, по верному признанию С.Н. Чурилова, «является не только правом, но и обязанностью суда». В этом смысле ученый прав, поясняя, что «признание за судом только права доказывания может привести к отрицательным последствиям при осуществлении правосудия. Неумелое поддержание в суде государственного обвинения, противостояние обвинению стороны защиты противозаконными способами в сочетании с самоустранением суда от доказывания (коль скоро он только вправе собирать доказательства) может привести к неправосудному решению» [1, с. 10].

Стоит отметить, что и обвинение, и защита пользуются, по сути, одинаковым набором методов и способов, позволяющих оказать влияние на внутреннее убеждение присяжных заседателей. Их выбор заранее предопределен той целью, которую они стремятся достичь при работе с коллегией. Материалы изученных уголовных дел позволили прийти к выводу об особом влиянии вещественных доказательств на формирование тактической поведенческой модели. В этом смысле все вещественные доказательства, фигурирующие в процессах с присяжными, следует рассматривать в качестве звеньев, позволяющих найти взаимосвязь между такими элементами системы, как личность виновного и место преступления.

Однако не только физическое существование в деле вещественного доказательства позволяет оказывать влияние на непрофессиональных участников процесса. Вернее, указанное обстоятельство, наоборот, играет вторичную роль при формировании судебных стратегии и тактики. Важен именно будущий процесс работы с конкретным вещественным дока-

зательством, встроенным в систему планируемых судебных действий. «Результаты „невербальных“ следственных и судебных действий обуславливают как само появление в уголовном деле вещественных доказательств, так и логическую возможность использования последних в процессе доказывания; с их помощью и совместно с ними вещественные доказательства как бы встраиваются в общую совокупность доказательств и получают реальную возможность влиять на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В свою очередь, вещественные доказательства являются предметом соответствующих „невербальных“ следственных и судебных действий, направленных на их обнаружение, восприятие или фиксацию» [2, с. 24].

С учетом специфики процессов с присяжными, ориентированной на наглядность, и, как следствие, перенесения акцента на «невербальные» процессуальные действия при представлении коллегии вещественных доказательств обзор предмета со следами преступления почти всегда выгоден какой-либо из сторон. Иногда обеим сторонам. При рассмотрении в суде присяжных дел об убийствах к таким предметам относятся одежда и обувь подсудимого (или предположительно принадлежащая подсудимому) со следами крови. Достоверность вывода о принадлежности одежды подсудимому, оспариваемая стороной защиты, позволяет вести речь об особом элементе в предмете судебного разбирательства, не являющемся промежуточным фактом.

Работа с материальным объектом и имеющимися на нем следами крови включает реализацию тактических задач в ходе допроса эксперта, исследовавшего форму следов крови и смоделировавшего механизм их образования. Успех описанной поведенческой тактики во многом предопределяется личностью эксперта и особенностями его поведения в ходе допроса в зале суда. Показателем объективности эксперта являются его ответы. В данной ситуации защитнику проще задать вопрос, содержащий его версию относительно обстоятельств следообразования, а затем повторить ранее озвученное предположение, не опровергнутое экспертом, уже во время другого этапа судебного разбирательства — судебных прений.

Выявленные и зафиксированные следы крови, представленные присяжным заседателям на объекте-следоносителе и осмотренные ими в судебном заседании, требуют правильного встраивания в общий механизм доказывания каждой из сторон. Это может быть достигнуто посредством:

- 1) допроса эксперта, проводившего экспертизу по следам крови;
- 2) «легализации» вещественного доказательства — носителя следа;

3) уяснения в судебном разбирательстве особенностей механизма образования следов на предмете-носителе;

4) соотношения механизма образования следов и обстановки места происшествия, запечатленной в процессуальных документах;

5) соизмерения физических возможностей подсудимого и механизма образования следов крови на предмете-носителе.

Последний пункт имеет значение в ситуации, когда подсудимый обладает отдельными отличительными характеристиками, например, лучше владеет левой рукой, нежели правой, как большинство людей. Данное замечание актуально по уголовным делам об убийствах, совершенных с применением холодного оружия или предметов бытового назначения, используемых в качестве орудия. Как правило, вопрос о том, в какой руке виновный держал источник, от которого могли произойти следы крови в виде капель, брызг и т.п., является наиболее сложным и почти всегда вызывает судебную дискуссию. Главная проблема состоит в том, что выводы эксперта и пояснения, сделанные им в судебном разбирательстве относительно того, кто убийца — правша или левша, зачастую носят вероятностный характер и, кроме того, по-разному истолковываются государственным обвинителем и стороной защиты. Нередко в таких ситуациях имеет место явление, которое Л.Е. Владимиров называл «извращением перспективы дела», признавая, что «подобный прием, одинаково практикуемый в речах и обвинителями, и защитниками, присущий всякой умственной борьбе интересов, состоит в выдвигании на передний план фактов наиболее благоприятных с сильным их освещением, при постоянном затенении фактов противоположных, неблагоприятных и отвлечении от них внимания всякими способами» [3, с. 35].

Проиллюстрируем сказанное примером из практики Алтайского краевого суда, сделав очередную попытку понять скрытый мотив вынесения присяжными заседателями оправдательного вердикта. Уголовное дело об убийстве одного потерпевшего и покушении на второго слушалось повторно с участием коллегии присяжных заседателей. Сторона обвинения представила присяжным кроссовки подсудимого, на которых, опять-таки с некоторой долей условности, была выявлена кровь одного из потерпевших. В суд был вызван эксперт-криминалист, который проводил исследование следов крови, обнаруженных на изъятых кроссовках. На вопрос государственного обвинителя о том, какой рукой преступник вероятнее всего нанес удар, эксперт ответил следующее: «Исходя из траектории движения руки человека при возможных замахах или ударах, исключить вариант, что при попадании этих брызг на кроссовки нож находился в правой руке человека,

нельзя. Это совпадает с траекторией движения правой руки». Прокурор переспросил: «С учетом траектории, что брызги летели сверху, спереди, слева, какой рукой нанесены удары?». На что получил ответ эксперта: «Рука человека движется по дуге. Если воздействие снизу вверх, то и соответственно, обратно она будет двигаться сверху вниз. Это вполне логично. Поэтому исключить такой вариант, конечно, нельзя, что нож находился именно в правой руке. Это наиболее типичный вариант движения руки».

Далее интересно проследить, каким образом сторона обвинения использовала пояснения эксперта и в соответствии с этим выстроила свое выступление в судебных прениях. Так, государственный обвинитель «сделал» этот вывод своим, используя прием «ложной привязки», когда одно доказательство привязывается к другому через ложный посыл. Усиление позиции происходит посредством ссылки на другое доказательство, достоверность которого в ходе судебного следствия не подвергается сомнению.

Из протокола судебного заседания (выступление государственного обвинителя в прениях): «Вывод о том, что повреждения Ш. и Ф., вероятнее всего, нанесены левой рукой нападавшего, делают также и эксперты-криминалисты, которые изучали одежду потерпевших и раны на их теле. Согласно их выводам, не исключается вероятность образования повреждений при нанесении левой рукой нападавшего». Далее государственный обвинитель, цитируя заключение судебно-медицинской экспертизы, взялся перечислять все ранения, которые были обнаружены у потерпевших. После этого прокурор продолжил: «Аналогичный вывод делает и эксперт-криминалист, который раскрывает механизм образования крови на кроссовках П. Напомню вам, что эксперт-криминалист пришел к выводу, что на кроссовках подсудимого обнаружены следы крови потерпевшего в виде помарок и брызг. Брызги крови на правом кроссовке летели из источника, расположенного спереди, сверху и слева [4].

Отметим, что исследование материалов СМЭ показало, что ранения у потерпевших наблюдались как с правой, так и с левой стороны. Однако выдвигнутая на передний план ложная посылка «Все ранения у потерпевших расположены с правой стороны» в совокупности со второй посылкой о том, что «только левша может нанести удары справа» привел к выводу: «убийца — левша». Однако коллегия присяжных заседателей данную посылку не приняла и, руководствуясь правилом «разумного сомнения», вынесла оправдательный вердикт.

Оценка доказательств по внутреннему убеждению и сила убеждения, воплощенная в искусстве речевого доказывания, не могут и не должны исключать применения законов формальной логики

ки. Подобные вопросы уже являлись предметом изучения в работах ученых, в т.ч. зарубежных [5]. Исследования, посвященные суду присяжных, упоминают о житейском мышлении, практическом опыте, отмечаемом у народных судей. Однако можно отметить, что авторы говорят практически об одном и том же, противопоставляя понятия здравого смысла и юридической догматики, порой отличающейся от обыденного правосознания. В вопросе о материальных объектах, доказывающих причастность лица к преступлению, нередко на первый план выходят рассуждения о проблемах отражения. Так, можно вести речь о двух группах посылок. Первая говорит о том, что всякий, на ком обнаружена кровь потерпевшего, может быть его убийцей. Если кровь обнаружена у обвиняемого, значит, он — убийца. Вторая группа посылок призывает следовать от обратного. Выходит, что необнаружение крови на одежде обвиняемого свидетельствует о его непричастности к преступлению. Однако на практике подобные доводы не действуют, а «примитивные» законы формальной логики разбиваются о вариационные интерпретации, позволяющие углубляться в более хитроумные аргументы. Приведем пример.

Т. обвинялся в изнасиловании и убийстве молодой девушки Г., с которой случайно познакомился на вокзале. Сам подсудимый вину в совершении преступления полностью отрицал. В судебном заседании Т. начал поддерживать версию о наличии у него алиби, заявляя о том, что не мог находиться в месте совершения убийства, так как в это время провожал свою знакомую на автовокзале.

Из речи защитника: «Исходя из версии государственного обвинителя, а также протокола осмотра места происшествия и фототаблицы к нему, мы видим, что вокруг места обнаружения трупа неизвестной женщины было много крови. И если исходить из этой версии, то в таком случае вся одежда подсудимого Т. должна быть в крови. На видеofайлах же мы видим, как мой подзащитный, возвращаясь в здание железнодорожного вокзала, только отряхивает джинсы от снега. Мы в судебном заседании осмотрели данные джинсы. Они, безусловно, грязные, но на них нет никаких пятен крови». Отрывок из реплики гособвинителя: «Сторона защиты утверждает, что если бы подсудимый убил потерпевшую, то его тело и одежда были бы в крови. Но кто сказал, что в момент нанесения ударов брызги крови должны были лететь на Т.? Вашему вниманию была представлена фотография, на которой зафиксирован след обуви, рядом с которым имеется маленькая капелька крови. На кроссовках обнаружена кровь другого человека, однако установить, чья это кровь, не представляется возможным ввиду небольшого ее количества».

Анализ представленных выступлений и реплик сторон в судебных прениях позволяет сделать следующие выводы:

1) явления, о которых говорит сторона обвинения, можно было бы наблюдать, если бы Т. и не совершал изнасилование и убийство Г.;

2) сложно доказать факт того, что если Т. действительно совершил изнасилование и убийство Г., то на нем всегда должна быть кровь (явление должно быть всегда, а не просто иногда);

3) нельзя исключать вероятность того, что реально наблюдаемые явления не есть в точности те явления, которые наблюдались бы, если полагать, что Т. совершил изнасилование и убийство Г. [6].

В некоторых случаях сторона защиты предлагает присяжным версию о фальсификации источников доказательств. Следует отметить, что подобное может иметь место только в ситуации наличия действительно грубых нарушений, сопровождающих предварительное следствие по уголовному делу, включая утрату вещественных доказательств. В основном это происходит при рассмотрении уголовных дел об убийствах, совершенных в условиях неочевидности, когда совершение преступления вменяется одному лицу без образования преступной группы или сообщества. Согласно процессуальным нормам, заявление подсудимого и его защитника о недопустимых доказательствах рассматривается в отсутствие присяжных заседателей. Однако следует все же отличать единоразово заявленное ходатайство о признании какого-либо заключения эксперта недопустимым доказательством и выстраивании целой системы доводов и аргументаций, которую уже невозможно скрыть от внимания присяжных. Версия о фальсификации экспертных заключений имеет под собой основание и повод и коррелирует с оправдательной стратегией стороны защиты. Поводов для выдвижения такой версии может быть несколько:

- утрата вещественного доказательства;
- сомнительность происхождения объекта исследования, включая процессуальные нарушения, сопровождающие проведение таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск у обвиняемого лица, а также отсутствие сведений об осмотре объекта в момент его изъятия;
- грубые технические ошибки, обнаруженные в заключениях экспертов, включая некорректно представленные даты и описки в фамилиях и именах;
- неясность и противоречивость экспертных выводов;
- процессуальные нарушения, допущенные органами следствия в ходе назначения и производства экспертных исследований.

Ранее мы уже писали, что следы крови на месте происшествия, зафиксированные и отраженные

в протоколе осмотра места происшествия и фототаблице, представляют собой категорию «шокирующих» сведений. Но необходимо понимать, что сведения эти имеют двойное значение и содержат информативный элемент, позволяющий присяжным оценивать правдивость представляемых им версий. Рассмотрим ситуацию. На улице зимой в вечернее время совершено убийство женщины. Подозреваемый задержан. Им оказывается бывший сожитель потерпевшей, который во время следствия сознается во всем. Но уже после производства экспертиз и окончания всех следственных действий обвиняемый отказывается от своих показаний. К слову сказать, прямых доказательств, кроме признательных показаний, в деле не имеется. Но и косвенные т.н. «доказательства присутствия» в уголовном деле отсутствуют. В ходе судебного следствия сторона защиты пытается доказать перед присяжными версию о непричастности подсудимого к убийству, используя важный, на ее взгляд, довод: экспертизы показали, что на одежде и обуви обвиняемого не обнаружено крови, принадлежащей потерпевшей, тогда как известно, что убитой были нанесены множественные повреждения, повлекшие обильную кровопотерю.

Как можно убедиться, в приведенном примере, взятом из реальной судебной практики, подсудимый и его защитник как раз-таки и рассчитывали на неведение присяжных заседателей относительно особенностей картины произошедшего, отраженной в фототаблице. В рекомендациях, адресованных нами государственному обвинителю, мы предлагаем ему применять следующий алгоритм: 1) напомнить присяжным содержание протокола осмотра места происшествия; 2) разъяснить присяжным особенности механизма следообразования в конкретном случае. Руководствуясь вышеизложенным примером, представим ситуацию, заложив в базовую модель нижеприведенные характеристики: 1. Преступление совершено в зимнее время. 2. Подсудимый категорически отрицает свою вину в совершении преступления. 3. На одежде и обуви подсудимого не обнаружены следы преступления, в т.ч. пятна крови. Теперь представим, какие доводы может предложить государственный обвинитель присяжным для того, чтобы убедить их в ложности позиции подсудимого. Чаще всего прокуроры, выстраивая свою поведенческую тактику, в подобном случае следуют от обратного. Такая композиционная логика соответствует высказыванию «Если верно, что представленные присяжным заседателям доказательства не свидетельствуют в пользу того, что подсудимый не убивал потерпевшую, то подсудимый — убийца». Важно отметить, что последняя фраза в приведенной композиции, как правило, не произносится, что позволяет присяжным полагать, что решение

принимается ими самостоятельно, без какого-либо навязывания извне. Тоже своеобразная поведенческая тактика. Основной тактический принцип, которым в этом случае должен руководствоваться государственный обвинитель, заключается в намеренном акцентировании внимания на том тезисе, на который ссылается подсудимый. В соответствии с примером, представленным выше, убийство женщины, сопряженное с нанесением множественных повреждений, сопровождалось обильной кровопотерей, однако при этом на подошвах обуви обвиняемого кровь отсутствовала. В этой связи уместными будут ссылки государственного обвинителя на такие обстоятельства, как погодные условия, при которых произошло убийство. Не будет лишним обратить внимание коллегии присяжных заседателей на одежду, в которой находилась жертва в момент совершения преступления. Таким образом, освежая в памяти присяжных воспоминания о месте совершения преступления, в случае, если оно же — место обнаружения трупа, т.е. место происшествия, можно сформировать информационную модель, объясняющую специфику следообразования в каждом конкретном деле. Так, известно, что снег или мягкий грунт впитывают кровь и не дают возможности обуви испачкаться [7]. Если потерпевшая была в момент убийства в верхней одежде, то можно предположить, что даже при фонтанировании крови одежда поглощала жидкость, поэтому вполне вероятно, что на подошвах обуви обвиняемого не отобразились следы преступления. Тем не менее подобные нюансы требуют обязательного пояснения присяжным заседателям. Однако, как показали исследования судебной практики, государственные обвинители заранее не планируют объяснять это присяжным, а в основном действуют ситуационно, заявляя об этом лишь в прениях даже не во время основного выступления, а пользуясь правом реплики.

Несмотря на то, что генетические экспертизы по праву претендуют на звание «золотого стандарта» [8], по ряду наиболее сложных уголовных дел об убийствах на одно место с ними выходят медико-трасологические исследования механизма образования следов крови. В некоторых случаях заключения таких экспертиз имеют ощутимое преимущество перед ДНК-анализом, в который раз подчеркивая превалирование значения искусства владения судебной тактикой перед достижениями научно-технического прогресса в сложных социальных системах.

Наглядным примером того, почему это происходит и что из этого получается, является уголовное дело об убийстве, освещение которого позволит нам разобраться в данной проблематике, а заодно и понять природу отдельных оправдательных вердиктов присяжных заседателей. Ниже мы приведем крими-

налистический разбор уголовного дела, аналогично процессу в отношении американского спортсмена О. Дж. Симпсона. Сходство этих двух уголовных дел очевидно: убитых несколько, следствие и в том и в другом случаях отмечало применение крайне жестокого способа причинения смерти, что неизбежно повлекло образование большого количества следов крови как на месте происшествия, так и на самих обвиняемых или принадлежащих им вещах. Но главное сходство заключается в том, что даже несмотря на такие значимые доказательства-улики, присяжные заседатели вынесли по данным уголовным делам оправдательные вердикты. Изучив материалы, мы пришли к выводу, что это произошло по причине допущенных серьезных криминалистических ошибок следствия, а также вследствие тактических недоработок государственных обвинителей и удачно выбранной тактики стороны защиты.

Так, звезду американского футбола О. Дж. Симпсона обвиняли в том, что он убил свою бывшую жену и ее приятеля. Кровь жертв нашли на его одежде, на носках, обнаруженных в его доме, машине. Была проведена ДНК экспертиза, установившая соответствие этих образцов крови и крови самого Симпсона. Несмотря на это, суд не принял результаты экспертизы, проведенной методом ДНК-анализа, как доказательство вины Симпсона, так как были выявлены ошибки в ходе следствия и экспертизы. При даче показаний офицером, производившим сбор образцов, выяснилось, что кровь на заднем стекле автомобиля и носки в доме за диваном были обнаружены только через месяц. Поэтому суд не отверг версию, что эти вещественные доказательства были сфальсифицированы. Кроме того, выяснилось, что при анализе крови молодая лаборантка пролила один из образцов и могла потом перепутать пробирки. В заключении эксперта (со стороны обвинения был привлечен крупный специалист по молекулярно-генетическому анализу) защита обнаружила ошибку в вычислениях [9, с. 134].

Во втором уголовном деле У. обвинялся в том, что, находясь в кухне коммунальной квартиры в Санкт-Петербурге, в ходе ссоры на почве личных неприязненных отношений нанес Ж-м, матери и дочери, множество ударов (68 и 91) неустановленными предметами в голову, шею, туловище и конечности. Вердиктом коллегии присяжных заседателей У. был признан невиновным. Коллегия присяжных заседателей признала недоказанным факт, что имевшее место деяние — убийство Ж-х совершил подсудимый У. Вскоре после этого оправдательный приговор, постановленный на основе вердикта присяжных заседателей, был отменен, а дело направлено на новое рассмотрение. Второй процесс по делу У. проходил без участия присяжных заседателей и окончился вынесением обвинительного приговора. Но и это реше-

ние вскоре было отменено по причине процессуальных нарушений, допущенных профессиональным судьей, и дело направлено на новое рассмотрение. Спустя месяцы третий приговор, постановленный, как и первый, на основе вердикта коллегии присяжных заседателей, но уже обвинительного, вступил в законную силу, а У. отправился отбывать длительный срок лишения свободы в колонию строгого режима [10].

Если следовать проблематике, заложенной в названии настоящего исследования, интерес для нас могут представлять два судебных процесса по этому делу, проведенные с участием присяжных заседателей. Ввиду того что вся доказательственная база по делу У., собранная стороной обвинения, была основана на множественных заключениях экспертов, исследованных в присутствии коллегии присяжных, особую важность в этой связи приобретает объяснение того, почему в первом случае вердикт был оправдательным, а в другом — обвинительным. Подробный анализ материалов дела и работа над ним в архиве Санкт-Петербургского городского суда позволили прийти к выводу, что во многом причиной первого оправдательного вердикта присяжных явились грубые тактические ошибки, которые допустило обвинение при работе с коллегией. Тогда как, напротив, работа стороны защиты, с криминалистической точки зрения, была профессиональнее. Следует обратить внимание и на обширную следовую картину, коррелирующую со способом убийства — нанесением множественных телесных повреждений несколькими орудиями по различным частям тела. Именно следы крови, обнаруженные и на месте происшествия, и на обвиняемом, их толкование обозначили основные направления в криминалистической деятельности сторон. Защита с самого начала избрала тактику нападения, что выразилось в том, чтобы поставить под сомнение достоверность практически всех доказательств, представленных обвинением, воспользовавшись некачественной работой следствия, а также по-своему истолковав вероятные выводы экспертных заключений.

По тем данным, которые имелись в материалах дела, можно сделать вывод, что именно следы крови сыграли главенствующую двоякую роль сначала в оправдании подсудимого, а затем в признании его виновным. Не последнее место в доказывании было отведено речевой подаче фактов присяжным. Основными подлежащими интерпретации обстоятельствами по делу выступили такие, которые коснулись характера образования разнообразных следов крови на джинсах, свитере, куртке и обуви У. Итак, по порядку.

Наибольшее количество крови было обнаружено на джинсах, изъятых у У., и на свитере, принадлежащем подсудимому, обнаруженном в мусорном

ведре на кухне в квартире Ж-х. При проведении medico-криминалистической экспертизы было установлено, что следы на джинсах У. имели вид брызг, образовались при падении с ускорением на разных поверхностях — спереди и сзади, что, по мнению эксперта, могло свидетельствовать о неодновременности их образования. Государственный обвинитель огласил заключение данной экспертизы перед присяжными, а в прениях подчеркнул, что брызги, появившиеся на джинсах У., явились следствием фонтанирования крови, характерного при повреждениях крупных кровеносных сосудов, как раз наблюдаемых у потерпевших. Еще одна версия происхождения брызг крови возникла после допроса эксперта, который, отвечая на вопрос следователя, в своем заключении отметил, что брызги образовались при припадании крови динамического ускорения. Эксперт не исключал, что это произошло вследствие размахивания окровавленным предметом, находящимся в руке У., вероятнее всего, ножом. Но приведенное обстоятельство, о котором говорил эксперт, по неизвестной причине осталось без внимания государственного обвинения, но было упомянуто защитой. Так, адвокат сообщил присяжным заседателям, что на джинсах У. обнаружили «два маленьких пятна крови, не понятно, откуда взявшихся». Затем адвокат напомнил, что эксперт точно ответил на вопрос следователя, могли ли капли крови образоваться от предмета, находящегося в руке. По мнению стороны защиты, если бы вопрос был поставлен иначе, то и ответ был бы другой. Доводы стороны защиты в части образования следов крови на джинсах У. показались присяжным убедительнее.

Судебный процесс в отношении У. позволил задуматься над еще одним крайне интересным вопросом. Изучая много лет практику работы суда присяжных в России, автор столкнулся с категорией уголовных дел — неочевидными убийствами, отличающимися от других аналогичных преступлений крайне жестокими и бесчеловечными формами их совершения. В ходе анализа реакции присяжных заседателей на подобные дела было подмечено, что в некоторых обстоятельствах коллегии было присуще наличие своего рода «синдрома отрицания». Речь идет об отрицании присяжными на эмоциональном подсознательном уровне причастности подсудимого к такому преступлению, как выбранный ими способ личной психологической защиты. Иными словами, некоторые преступления бывают настолько жестоки, что в них невозможно поверить. Также иногда присяжным бывает невозможно поверить в то, что человек, представший перед ними, мог бы быть причастен к подобному деянию. Это характерно для убийств, сопряженных с нанесением множественных повреждений колющими и режущи-

ми орудиями, при наличии к тому же такого факта, что жертва и преступник были знакомы, да еще и неплохо общались.

Наличие такого рода обстоятельств, как приятельские или иные личные отношения жертвы и убийцы, выходящая за пределы «типичного убийства» картина на месте происшествия, крайне жестокий способ убийства, особенности личности потерпевшего (женщины или дети), отсутствие любых свидетелей произошедшего, отрицание подсудимым своей вины заставляет присяжных заседателей высказывать сомнения в правдивости представляемой им версии, что и детерминирует возникновение судебной ошибки.

Нами отмечается, что в тех процессах, где сторона защиты применяла тактические приемы, учитывающие подобное психологическое состояние присяжных заседателей, коллегия единогласно или в части склонялась к вынесению оправдательного вердикта. Один из таких приемов — создание «эмоциональной картины преступления». Не следует путать указанный прием и средства эмоционального воздействия, которые используют в процессах с присяжными отдельные государственные обвинители и защитники. Построение эмоциональной картины преступления — прием, основанный на владении техникой речевого воздействия, позволяющей при помощи вербальных и невербальных выразительных средств и совокупности точных фактов смоделировать обстановку преступления. Любое пропущенное звено в подобной картине — своеобразный пробел, заставляющий присяжных усомниться в версии обвинения и принять позицию противоположной стороны. Пример создания эмоциональной картины преступления можно встретить в третьем процессе по делу У.

Данный судебный процесс, проходивший при участии присяжных заседателей, позволил стороне обвинения применить новые приемы и избрать более «уверенную» поведенческую модель.

Государственный обвинитель представил присяжным заседателям более убедительную версию происхождения следов крови на свитере, принадлежащем У. По словам подсудимого, придя в себя, он зашел в комнату и, видя лежащие на полу трупы, снял с себя свитер и положил его на горло одной из потерпевших. Во время судебного следствия сторона обвинения заявила ходатайство о вызове в заседание эксперта, исследовавшего механизм образования следов крови на свитере обвиняемого. Как пояснил в суде эксперт, следы крови на свитере не могли появиться одновременно, а образование их в результате тех действий, о которых сообщил У., представлялось маловероятным. Анализируя расположение пятен крови на свитере, эксперт отверг версию о статическом контакте вещи с окровавленной

поверхностью. Примечательно, что на данное обстоятельство сторона обвинения уже обращала внимание коллегии ранее в предыдущем судебном процессе, но присяжные все равно вынесли оправдательный вердикт. В новом заседании прокурор принял решение усилить версию эксперта, используя вербальный тактический прием, основанный на применении метода ассоциативных связей. Демонстрируя присяжным свитер, государственный обвинитель обратил внимание на то, что подавляющая часть следов крови располагалась на его передней части, в отличие от рукавов, пропитанных кровью по всей поверхности — и спереди, и сзади. В прениях государственный обвинитель заметил: «Когда я увидел эти рукава по самый локоть в крови, мне в голову пришла только одна ассоциация — мясники. Вот почему мясники надевают нарукавники и фартук — потому что им по опыту известно, что именно эти части одежды в большей степени подвержены загрязнению кровью. И свитер У. этому лишнее подтверждение. И то, что с одинаковой интенсивностью обпачканы оба рукава свитера, говорит о том, что У. наносил удары обеими руками. Не случайно на обеих руках у него образовались характерные порезы».

Вот так сложные криминалистические вопросы образования следов крови на предмете были разъяснены присяжным в несколько минут.

И наконец, государственный обвинитель подробно остановился на анализе заключения эксперта, объясняющего происхождение брызг крови на джинсах У. В этом случае прокурор применил прием императивного утверждения, обосновав свой тезис выдержками из экспертизы. Из протокола судебного заседания: «Брызги образовались, когда У. размахивал окровавленными ножами, — больше не от чего. Проведенное медико-криминалистическое исследование подтверждает это. Согласно выводам эксперта Б., брызги образовались при придании крови динамического ускорения, что не исключает возможности их образования при размахивании окровавленным предметом, находящимся в руке обвиняемого. Одна из брызг могла образоваться при движении крови снизу вверх. При этом пятна крови, обнаруженные на джинсах У., могли произойти от смешения крови потерпевших Ж-х, от самого У. и от смешения их крови».

Коллегия присяжных заседателей единогласно вынесла обвинительный вердикт.

Библиографический список

1. Чурилов С.Н. К вопросу о сферах применения достижений криминалистики // Вестник криминалистики. — 2011. — Вып. 3 (39).
2. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу : автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. — М., 2015.
3. Владимиров Л.Е. *Advocatus miles*. Адвокат-воин: принципы и техника уголовной защиты. — М., 2007.
4. Уголовное дело № 2-18/2012 // Архив Алтайского краевого суда.
5. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. — Челябинск, 2010.
6. Уголовное дело № 2-60/2011 // Архив Алтайского краевого суда.
7. Назаров Г.Н. Медико-криминалистическое исследование следов крови. — Н. Новгород, 2003.
8. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. — М., 2013.
9. Пименов М.Г. Теоретические и методологические основы судебно-генетической экспертизы тканей и выделений человека: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004.
10. Уголовное дело № 2-33/2013 // Архив Санкт-Петербургского городского Института философии и права.